

2. Борисова С.А. Пространство. Человек. Текст. Ульяновск: Изд-во УлГУ, 2003.

3. Справочно-информационный портал «Грамота.ру». URL: <http://www.gramota.ru/>.

4. Каптелинин В.Н., Величковский Б.М. Слово как контекст: природа перцептивной знакомости // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1989. № 2. С. 27–34.

5. Коробкина Н.И. Концептуальная интеграция как способ языковой экономии: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2013.

6. УРАС – Универсальный русско-английский словарь. Академик.ру, 2011 [Электронный ресурс]. URL: http://universal_ru_en.academic.ru/1064736/%D0%B6%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B3 (дата обращения: 30.11.2012).

7. Шаховский В.И., Коробкина Н.И. Креативная функция языка / речи в номинации новых контекстуальных понятий // Изв. Воронеж. гос. пед. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». 2013. № 2 (261). С. 180–186.

8. Языкознание. БЭС – Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая рос. энцикл., 1998.

9. Fauconnier G., Turner M. Mental spaces: conceptual integration networks // Cognitive linguistics: basic readings / edited by Dirk Geeraerts. – Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006. P. 303–371.

* * *

1. Amosova N.N. Osnovy anglijskoj frazeologii. Izd-vo Leningr. un-ta, 1963.

2. Borisova S.A. Prostranstvo. Chelovek. Tekst. Ul'janovsk: Izd-vo UIGU, 2003.

3. Gramota.ru – Spravochno-informacionnyj portal «Gramota.ru». URL: <http://www.gramota.ru/>

4. Kaptelinin V.N., Velichkovskij B.M. Slovo kak kontekst: priroda perceptivnoj znakomosti // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 14. Psihologija. 1989. № 2. S. 27–34.

5. Korobkina N.I. Konceptual'naja integracija kak sposob jazykovoje jekonomii: dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2013.

6. URAS – Universal'nyj russko-anglijskij slovar'. – Akademik.ru, 2011 [Jelektronnyj resurs]. URL: http://universal_ru_en.academic.ru/1064736/%D0%B6%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B3 (data obrashhenija: 30.11.2012).

7. Shahovskij V.I., Korobkina N.I. Kreativnaja funkcija jazyka / rechi v nominacii novyh kontekstual'nyh ponjatij // Izv. Voronezh. gos. ped. un-ta. Ser. «Gumanitarnye nauki». 2013. № 2 (261). S. 180–186.

8. Jazykoznanie. BJeS – Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' / gl. red. V.N. Jarceva. 2-e izd. M.: Bol'shaja ros. jencikl., 1998.

New contextual notion as the result of conceptual integration in extralinguistic and linguistic contexts

There is considered the new contextual notion as a mental correlate of the modern compressive occasionalism and as the result of conceptual integration. There are analyzed the extralinguistic and linguistic contexts of originating and functioning of this newest cognitive construct.

Key words: *conceptual integration, conceptual blend, new contextual notion, occasionalism, context.*

(Статья поступила в редакцию 16.02.2015)

О.С. ШИБКОВА, Ю.А. КЛИМОВСКИХ
(Ставрополь)

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ ТАКСОНОМИИ ДЛЯ ОПИСАНИЯ ПЛАНА СОДЕРЖАНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ СЛОВ/ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Анализируется систематизация описания области плана содержания качественных слов/прилагательных. Приводятся основания для описания информации о свойстве/признаке/качестве в виде фрейма, концептуальной области, скрипта, семантической схемы и формата. Предлагается и теоретически обосновывается когнитивная модель как наиболее совершенный и адекватный инструмент репрезентации категории «Качество».

Ключевые слова: *категория «Качество», фрейм, концептуальная область, скрипт, прототипическая семантика, когнитивная модель качества.*

Стремление Качества быть вычлененным из вещи, отстаиваемое философами, логиками и лингвистами в течение вот уже, по меньшей мере, пятнадцатого по счету столетия (начиная с Аристотеля), наконец-то обретает зримые, приближенные к лингвистическим, фор-

мы своего описания. Категория «Качество» имеет несколько аспектов/зон, которые могут быть описаны и на семантическом, и на когнитивном уровнях. Во флективных языках категория «Качество» проявляет себя на уровнях глубинной и собственно языковой семантики разных лексико-грамматических разрядов слов, но наиболее полно передается так называемыми «качественными словами» [4], адъективными и предикативными прилагательными [11]. Особый статус прилагательного (качественного слова) как языковой репрезентации категории «Качество» в индоевропейистике является общепризнанным, вместе с тем грамматика и семантика прилагательного до сих пор вызывают много споров и трактуются по-разному.

Одним из первых, кто употребил термин «фрейм» для описания процессов хранения и понимания информации, был М. Минский [8]. Фрейм в его представлении – это минимально структурированная информация, которая однозначно определяет некий класс объектов. Действительно, структурирование информации в виде фрейма достаточно легко применяется по отношению к объектам и классам объектов, а также к последовательно/одновременно произведенным действиям / событиям (сценарный фрейм). Однако вычлененное или приписанное объекту свойство / признак / качество представить в виде фрейма очень затруднительно. Исходя из той посылки, что фрейм (в том или ином виде) применим к любому виду информации, полагаем возможным и необходимым найти основания описания информации о свойстве/признаке/качестве в виде фрейма.

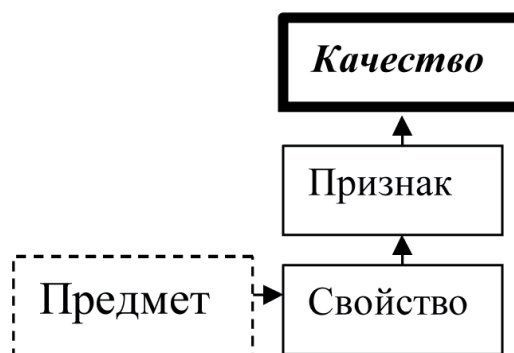
Прежде всего, охарактеризуем общепринятые, уже устоявшиеся в лингвистике параметры фрейма. Итак, формально фрейм представляют в виде структуры узлов и отношений. Фрейм – это рамка, сеть, состоящая из узлов и отношений между ними. В этой сети выделяются несколько уровней. Он может мыслиться как иерархическая структура, где есть верхний, господствующий уровень, или этаж узлов и некоторое множество задаваемых им нижних, подчиненных узлов-слотов [2, с. 24], или под-слотов (от англ. *slot* – a place in a schedule, scheme, or organization, especially one that is kept for a particular purpose – паз, отверстие). На более низких уровнях организации фрейма находятся терминалы, которые заполняются характерными примерами или данными. Верхний уровень характеризуется строгостью отношений и узлов, а низший/низшие (их может быть несколько) – более свободен,

его узлы могут быть заполнены разными единицами.

Возможность заполнения М. Минский называет «заданиями отсутствия». Под этим термином понимаются «сведения о деталях (частностях), которые не обязательно должны присутствовать в какой-либо ситуации» [8]. Причем одни и те же терминалы могут входить в структуры различных фреймов, они образуют родственные фреймы. При каждом терминальном узле мыслится целая группа фреймов, это явление именуется “default meaning” – значение, хранящееся по умолчанию. По ходу работы с фреймом возможны подмены этих значений. Важным моментом является и внесение в структуру фрейма условий заполнения его слотов, хотя это и необязательное требование. Заполнение может осуществляться с помощью иного фрейма, который, соответственно, именуется подфреймом – вложенным фреймом.

Условия заполнения слота – «задания отсутствия», своеобразные переменные. Для фреймов описываемой нами категории качества слотами будут различные свойства / признаки, а заданиями отсутствия – предметы, которые могут обладать подобными свойствами / признаками. Предметная определенность «заданий отсутствия» есть решающая составляющая принципа организации когнитивной модели «качество» и «прилагательное», ибо качество вне предмета не мыслится.

Исходя из положения об иерархичности фреймовых структур, представим фрейм категории «Качество» в виде следующей схемы («предмет» обозначен пунктирной линией как «задание отсутствия»):

Предмет есть «задание отсутствия», в нем вычленяются свойства, на основании которых в сознании человека фиксируются признаки объекта-предмета как его свойств, на верхнем уровне обобщения / абстрагирования формируется представление о качестве пред-

мета / класса предметов. Являясь высшей точкой фреймовой структуры, узел-слот «качество» может быть заполнен другими фреймами, которые будут интерпретировать его значение как значение отсутствия “default meaning”. Эти значения конгруэнтны «заданию отсутствия» – предмету / классу предметов.

При описании фреймов принято ссылаться на идеи трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля [13]: «гуссерлианское отношение к философии сводится к исследованию чистых смысловых структур» [7, с. 865]. Важным моментом его теории является положение о том, что каждый ментальный акт предполагает ноэму (*от греч. ноэма – νόημα* = мысль, мыслимое содержание), в которой отражается реальный мир. Можно предположить, что ноэма и есть некая когнитивная единица, которая по-разному может быть репрезентирована в речи, в тексте.

Близким к понятию «фрейм» является предложенное М. Тернером и Ж. Факонье [12; 19] понятие концептуальной области (conceptual domain). Этим термином обозначается большой блок фонового, «тезаурусного» знания, например, «человек», «дом», «страна». Базовая структура «концептуальной области» состоит из некоторого количества объектов и отношений между ними.

Понятие концептуальной области широко применяется при объяснении механизма концептуальной метафоры [5; 17]. В этом случае базовая структура одной концептуальной области, называемой «источником» (the source), (частично) переносится в другую, называемую «целью» (the target). К концептуальной области можно, по нашему мнению, отнести нормативные представления о свойствах предметов: их размере (слон – большой, а мышь – маленькая), цвете (помидор – красный, а лист – зеленый) и т. д. Сюда же относятся и нормативные представления поведенческого толка: надежный (товарищ), рассеянный, внимательный и т. д.

Концептуальные области подразделяются на более мелкие «блоки» организации знания (которые можно уподобить субфреймам), такие конструкции авторы называют «ментальными пространствами» (mental spaces) [15]. Под «ментальным пространством» имеется в виду (относительно небольшой) пакет знания, построенный с целью локального понимания и действия. Ментальные пространства создаются и видоизменяются в процессе мышления, говорения, восприятия речи. Изменения могут

быть вызваны внутриязыковыми причинами: модификациями семантической структуры слов, морфологии. Социально-историческими изменениями обусловлены деформации семантики языковых единиц, в которых под воздействием социальных модификаций возникают новые компоненты. Достаточно сравнить социокультурные коннотации прилагательных «красный» и «коричневый» в древнерусском, русском языке в начале XX в. и современные, приобретенные оценочные коннотации других цветовых прилагательных в конце XX – начале XXI в.: *зеленый* (ассоциируется с двумя объектами: движение в защиту природы и движение мусульман), *оранжевый, розовый, тюльпановый* (политические события в Украине, Грузии, Киргизии). К ментальным пространствам концептуальных областей относятся и знания о символических значениях. Так, белый цвет, как известно, связан в европейской, христианской социокультуре с концептуальной областью «свадьба», в Юго-Восточной Азии – с концептом «смерть»; противопоставляемый белому черный цвет к концу XX в. постепенно приобрел связь с концептом «праздник», одновременно не утрачена первоначальная связь с концептом «смерть» и символическим значением траура.

Поскольку прилагательные, именующие социодетерминированные качества / свойства человека, отражают его поведение в той или иной жизненной ситуации, акцентируя тот или иной аспект этого поведения, оценивая его, представляя человека в его отношении к другим людям, нам необходимо рассмотреть следующую форму репрезентации знания – сценарий, который представляет собой когнитивную структуру для процедурного представления знаний о стереотипной ситуации или стереотипном поведении. В терминологии Дж. Лакоффа, это «динамический фрейм» (в отличие от «статического фрейма» [14]. Элементы сценария – слоты – фиксируют компоненты этой стереотипной ситуации/ситуаций или стереотипного поведения. Обычно в качестве примеров сценарных фреймов приводят следующие: «посещение ресторана», «визит к врачу», «совершение покупки» и т. д. В нашей статье понятие «сценарий» применяется по отношению к качествам, проявляющимся в ситуациях социального взаимодействия людей (*справедливый, умный/глупый, добрый/злой* и т. д.). Здесь социально обусловленное качество представляется как пучок/сеть отношений между коммуникантами (включая их социальное поло-

жение, роль в конкретной ситуации). В общем виде такой сценарный фрейм социально обусловленного качества будет включать слоты:

1) объект (по которому приписывается качество), или объект квалифицируемый;

2) объект / объекты (с вложенным фреймом «одушевленный / неодушевленный»);

3) действие объекта, квалифицируемого по отношению к другому объекту / объектам;

4) нормативное представление о данном отношении (вложенный фрейм нормативного представления);

5) социальная ценность (некий абстрактный концепт, фиксирующий социокультурную структуризацию представлений в обществе, – Добро, Честь, Совесть и т.д.).

Многие исследователи определяют фрейм как способ представления декларативного знания (об объектах) [3, с. 16], а сценарий – процедурного знания (о социальном взаимодействии, о том, как организована деятельность) [2; 4; 8]. Следует уточнить, что процедурные знания связаны с национально-культурной традицией, т.к. они описывают поведение, которое более социологизировано, зависит от способа организации жизнедеятельности в том или ином типе/виде сообщества. Декларативные знания более универсальны.

Сценарий похож на фрейм в том, что он кодирует набор определенных ожиданий. Однако он отличается от фрейма, поскольку описывает не просто набор фактов, а стереотипную последовательность событий. Фреймы и сценарии различаются своим характером: фреймы по природе статичны, в то время как сценарии обладают большим динамизмом [4, с. 85].

Считаем необходимым кратко охарактеризовать иные структуры репрезентации знаний, в том числе и категориальных, каковым является знание о категории «Качество». Некоторые лингвисты используют термин «скрипт». Так, у Р. Шенка и Р. Абельсона, Л. Крузе скриптом называется один из типов структур сознания, вид фрейма, описывающий привычные ситуации как стереотипные смены событий [18]. Но, на наш взгляд, сценарии и скрипты во многом повторяют друг друга.

Следующий вид представления знания – «семантические сети и схемы» как наиболее тесно связанные формы репрезентации информации в памяти [10, с. 352], на наш взгляд, занимают несколько иное положение в таксономии когнитивистики. Это уровень организации знания другого, не чисто когнитивного, а уже лингвистического порядка. Семантические сети и

схемы стоят ближе к собственно языковой традиции, сродни известным со времен Панини тезаурусным образованиям, классификациям. Семантические сети полезны для представления формальных отношений между вещами, эффективны для простой, последовательной классификации. Сами же они служат для организации более крупных единиц знания – схем. Схемы – это комплексы знания, «содержащиеся в памяти человека и основывающиеся на опыте, репрезентирующие типичные связи между различными областями действительности» [16, с. 44].

Схемы знаний организованы вокруг некой прототипичной ситуации [10, с. 367]. Они помогают предвосхищать информацию на основе уже существующих схем и их последующую модификацию в процессе сбора информации. Необходимо пояснить, что есть существенное различие между прототипическими образованиями, участвующими в акте «взаимодействия с миром, которое не только информирует, но и трансформирует субъекта» [9, с. 35]. По крайней мере, можно говорить о двух типах прототипов: 1) прототипических ситуациях и 2) прототипической семантике, в которой так или иначе отражена информация о прототипических ситуациях [5]. Иными словами, чтобы воспринять вербализованную информацию, необходимо обладать обширными знаниями о ситуациях, в которых могла возникнуть подобная информация.

Аналогией к схеме можно назвать «формат», который определяет, к какому виду должна быть приведена информация для ее непротиворечивого интерпретирования [14]. Схема – это не просто формат, она функционирует в качестве плана сбора информации для заполнения формата. Информация, заполняющая формат, становится его частью, дополняя уже имеющиеся у индивида схемы и включаясь в общую организацию опыта. Эта новая схема будет определять выбор и способ отбора информации в дальнейшем. Отсюда следует, что схема – это структура действия, равно как и структура для действия.

Признав за другими учеными первенство в формировании представления о базовом концепте когнитивистики – фрейме, Дж. Лакофф объединяет все вышеуказанные «схемы», «фреймы» и «скрипты» и т.д. под одним определением: «инструменты репрезентирования реальности» [14]. По его мнению, эти формы приблизительно равны друг другу и являются пропозиционными, или *когнитивными моде-*

лями. Последний термин, на наш взгляд, адекватно отражает сложившееся понятие, включает в себя классифицирующее определение и прямо именуется объектом «моделью». Вполне понятно, что модель может быть и рамочной, и сценарной, и схематичной и т.д.

Дж. Лакофф, выделяя когнитивные модели, говорит, что они необходимы для организации знания и отражают наше представление о мире. Присущие им свойства не существуют объективно в реальном мире, а скорее осознаются как «интеракционные» [14] в результате взаимодействия с окружающей средой. Он предлагает следующие четыре типа когнитивных моделей: образно-символические, схематические, метафорические и метонимические.

Дж. Лакофф полагает, что когнитивные модели используются для структурирования и осмысления нашего опыта и каждый элемент модели может соответствовать какой-то категории. Более того, указанные им модели одинаково соответствуют и существительным, и глаголам, и прилагательным, и словосочетаниям, и целым высказываниям.

Необходимо особо заметить, что, приводя примеры различного вида фреймов, ученые не прибегали к материалу качественных слов – прилагательных, предикативов. Они ограничивались, по большей части, существительными и глаголами, для сценарно-скриптовых фреймов образцами брались простые короткие тексты (чаще всего – диалоги), описания ситуаций. Полагаем, что это не случайно. Семантика и существительных, и глаголов является более устойчивой в смысле постоянства как референциальных связей, референциальной отнесенности, так и в смысле их сигнификативности, иными словами, объема их понятия, широкой семантики. Прилагательные, будучи признаковыми словами, всегда оказываются более уязвимыми в смысле референции. Значение качественности, признаковости является более абстрактным, нежели значение предметности и процессуальности, репрезентативными которых в языке и служат существительные и глаголы. Прилагательные «вбирают» в себя больше информации о социальных нормах, ситуативных стереотипах, фиксируя всю эту информацию в глубинных структурах своей семантики.

Используя наработки современной когнитивной лингвистики, мы считаем возможным утверждать, что существуют некие когнитивные модели качества в нашем сознании, ко-

торые доступны описанию и интерпретации, иначе само существование такой категории, как «качество», становится проблематичным.

Список литературы

1. Андреев В.Ф. Знаменательные и служебные слова в русском языке // Журнал министерства народного просвещения. 1985. № 10. С. 238 – 279.
2. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Структуры знаний и их языковая онтологизация в значении идиомы // Учен. зап. Тарт. ун-та. Вып. 903. Тарту: Изд-во Тарт. ун-та, 1990. С. 24 – 25.
3. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: Едиториал УРСС, 2001.
4. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1990.
5. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004.
6. Лексические минимумы современного русского языка / под ред. В.В. Морковкина. М.: Рус. яз., 1985.
7. Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос / сост. и ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993.
8. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.
9. Найссер У. Познание и реальность: смысл и принципы когнитивной психологии / пер. с англ.; общ. ред. Б.М. Величковского. М.: Прогресс, 1981.
10. Норман Д. Семантические сети // Психология памяти. М.: Наука, 1988. С. 350 – 370.
11. Шахматов А.А. Из трудов А.А. Шахматова по современному русскому языку (Учение о частях речи). М.: Учпедгиз, 1952.
12. Fauconnier G. Mental Spaces. N. Y.: Cambridge University Press, 1994.
13. Husserl E. Ideas: General Introduction to Pure Phenomenology. N. Y., 1972.
14. Lakoff G. The theory of cognitive models. URL: <http://humanitas.uscb.edu/users/steen/CogWeb/lakoff.html> (дата обращения: 10.11.2014).
15. Langacker R. W. Concept, image, and symbol: The cognitive basis of grammar. Berlin: Mouton de Gruyter, 1991.
16. Quasthoff U. M. Ethnozentrische Verarbeitung von Informationen: Zur Ambivalenz der Funktionen von Stereotypen in der interkulturellen Kommunikation // Wie verstehen wir fremdes: Aspekte zur Klärung von Verstehensprozessen: Dokumentation eines Werkstattgesprächs des Goethe-Instituts München vom 24–28. November 1988. München: Iudicium, 1989. S. 37–62.
17. Rohrer T. The cognitive science of metaphor from philosophy to neuropsychology. URL: <http://metaphor.uoregon.edu/neurophl.htm> (дата обращения: 15.11.2014).
18. Schank R. C., Abelson R. P. Scripts, plans, goals, and understanding: An inquiry into human knowledge structures. Hillsdale: N. J., 1977.

19. Turner M. & Fauconnier G. Conceptual integration and formal expression // Journal of Metaphor and Symbolic Activity 1995. Vol. 10(3). P. 183–204.

* * *

1. Andreev V.F. Znamenatel'nye i sluzhebnye slova v russkom jazyke // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshhenija. 1985. № 10. S. 238 – 279.

2. Baranov A.N., Dobrovol'skij D.O. Struktury znanij i ih jazykovaja ontologizacija v znachenii idiomu // Uchen. zap. Tartuskogo un-ta. Vyp. 903. Tartu: Izd-vo Tart. un-ta, 1990. S. 24 – 25.

3. Baranov A.N. Vvedenie v prikladnuju lingvistiku. M.: Jeditorial URSS, 2001.

4. Zalevskaja A.A. Vvedenie v psiholingvistiku. M.: Ros. gos. gumanit. un-t, 1990.

5. Lakoff Dzh. Metafori, kotorymi my zhivem. – M.: URSS, 2004.

6. Leksicheskie minimumy sovremennoho russkogo jazyka / pod red. V.V. Morkovkina. M.: Rus. jaz., 1985.

7. Losev A.F. Bytie – imja – kosmos / sost. i red. A.A. Taho-Godi. M.: Mysl', 1993.

8. Minskij M. Frejmy dlja predstavlenija znanij. M.: Jenergija, 1979.

9. Najsser U. Poznanie i real'nost': smysl i principy kognitivnoj psihologii / per. s angl.; obshh. red. B.M. Velichkovskogo. M.: Progress, 1981.

10. Norman D. Semanticheskie seti // Psihologija pamjati. M.: Nauka, 1988. S. 350 – 370.

11. Shahmatov A.A. Iz trudov A.A. Shahmatova po sovremennomu russkomu jazyku (Uchenie o chastjah rechi). M.: Uchpedgiz, 1952.

Peculiarities of the use of cognitive taxonomy for description of the contents of qualitative words/adjectives

There is analyzed the systematization of description of the contents of qualitative words/adjectives. There are given the grounds for description of the information about property/sign/quality in the form of frame, conceptual area, script, semantic scheme and format. There is suggested and theoretically substantiated the cognitive model as the most perfect and adequate instrument of representation of the category of Quality.

Key words: *category of Quality, frame, conceptual area, script, prototypic semantics, cognitive model of Quality.*

(Статья поступила в редакцию 12.01.2015)

Е.В. ШИШОВА
(Казань)

К ТРАКТОВКЕ ТЕРМИНА “DOUBLESPEAK” В ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Процесс семантической унификации лингвистических терминов предполагает использование интернационализмов в терминологии, наличие однозначных соответствий между терминами разных языков. Однако привести прямую трактовку отдельных явлений языка не всегда возможно, ввиду чего автор предлагает сопоставить сущность зарубежной теории «doublespeak» с содержанием терминов русского языка и установить коэффициенты их аналогичности.

Ключевые слова: *doublespeak, эвфемия, многозначность, манипулятивная риторика, синоним, аналог.*

Удивительным фактом современной научной действительности является то, что при всесторонней изученности языка, обширных международных контактах и отлаженных механизмах передачи опыта выявляется феноменальный случай отсутствия прямой отечественной аналогии и анализа лингвистического явления “doublespeak”. Предполагаемой причиной может стать идеологическая пропасть, характеризующая отношения западной и российской культур.

Идеология демократической политической корректности, провозглашающая правила двойной игры и принципы антропоцентризма, идеи исключительной концентрации на собственных интересах, отражается на образе мышления и его производном – языке, и создает терминологию двойных стандартов, или “doublespeak”. Интернет-гlossарий определяет «двойной стандарт» как «официально отрицаемый, но практикующийся и молчаливо признаваемый нормой дискриминационный подход к оценке поведения, прав и обязанностей представителей разных категорий населения, разных стран, рас» [3]. Думать и делать можно что угодно, а для общественной огласки годятся одобренные властью выражения. Таким образом, диалектическая концепция, которой руководствуется современное западное общество, обнаруживается в языковом строе в виде условных закодированных вкра-